

УДК 159.9

М. В. Злобина, О. Н. Первушина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru; olgap7@yandex.ru

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ДЕПРЕССИЯ

Рассматривается конструкт интолерантности к неопределенности, приводится обзор зарубежной литературы, посвященной истории его возникновения и развития. Анализируются работы, посвященные изучению ИТН в контексте тревожных и депрессивных расстройств. В зарубежной литературе существует большое количество данных, свидетельствующих о связи ИТН и депрессии. Цель статьи – проверка наличия связи между ИТН и склонностью к депрессии на выборке российских студентов. В результате исследования подтверждено наличие связи между интолерантностью к неопределенности и склонностью к депрессии. Получены новые данные о связи показателей по шкалам депрессии и шкале межличностной интолерантности к неопределенности.

Ключевые слова: интолерантность к неопределенности, толерантность к неопределенности, депрессия.

Современный человек оказывается в ситуации, когда каждый день несет глобальные и локальные изменения, неожиданные сюрпризы, открытия. Тот факт, что жизнь в современном мире становится все более неопределенной, практически ни у кого не вызывает сомнения. Проблема неопределенности и взаимодействие с ней все более привлекает внимание ученых. «На протяжении XX века мы наблюдаем в науках о человеке разные проявления движения в направлении от понимания мира как прочного, стойкого, предсказуемого, управля-

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Reflexio. 2017. Том 10, № 2
© М. В. Злобина, О. Н. Первушина, 2017

емого и детерминированного к пониманию его как в большей своей части неуправляемого, недетерминированного, непредсказуемого, неоднозначного» [Леонтьев, 2015].

Михаил Эпштейн в своей статье «Информационный взрыв и травма постмодерна» пишет о том, что «...мир не просто усложняется, но усложнение мира настолько ускоряется, что отдельно взятый человек уже не в состоянии за ним угнаться, усвоить общечеловеческий опыт, который растет все быстрее. Разрыв между совокупным опытом всего человечества и индивидуальным опытом каждого отдельного человека увеличивается по экспоненте. Индивид все более чувствует себя калекой, не способным полноценно соотноситься с окружающей информационной средой». Эпштейн называет подобное расстройство «травмой постмодерна» [1998].

Условия неясности, хаотичности, изменяют жизнь человека, и, как следствие, меняется и сам человек. По словам А. Г. Асмолова, мы имеем дело с «психологией изменяющейся личности в изменяющемся мире» [2015]. Человек постоянно пребывает в условиях неопределенности и вынужден как-то с ними справляться. Способы совладания с неопределенностью, по-видимому, оказываются далеко не всегда эффективными, о чем свидетельствуют данные о росте психических заболеваний, в частности, депрессивных, личностных, тревожных расстройств, а также суицидов.

Депрессия становится одним из самых распространенных психических расстройств и может стать мощным фактором ухудшения качества жизни, особенно если она затягивается и принимает умеренную или тяжелую форму. Депрессия нарушает функционирование человека в семье, профессиональной деятельности, коммуникации, она приводит к психологическому истощению, а в худших случаях, порождает попытки суицидов. По данным ВОЗ на апрель 2017 г., 300 млн чел. во всем мире страдают от депрессии и более 800 000 чел. погибают в результате самоубийства. Это вторая по значимости причина смерти среди людей в возрасте 15–29 лет ¹.

Поскольку мы полагаем, что увеличение депрессивных состояний и рост количества заболеваний депрессией связаны с переживанием и реакцией человека на реалии современного мира, изобилующего неопределенными ситуациями, нас интересует феномен интолерантности к неопределенности (далее – ИТН). Представляется возможным, что именно неспособность человека справляться с нарастаю-

¹ <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/>

щим потоком информации, сложностью ситуаций принятия решений, постоянной изменчивостью мира, т. е. ИТН, является фактором риска возникновения депрессивных состояний и развития депрессии.

В психологических исследованиях, начиная с работ Френкель-Брунsvик [Frenkel-Brunswik, 1949], описываются различные варианты отношения человека к неопределенным ситуациям от принятия неопределенности и достаточно комфортного пребывания в ней до борьбы с неопределенностью или ее избегания. Конструкты толерантности / интолерантности привлекают все большее внимание ученых.

В англоязычной литературе присутствуют два различных термина (*intolerance of uncertainty* (IU) и *intolerance of ambiguity* (IA)), которые, хоть и переводятся на русский язык одинаково, все же отражают несколько разные аспекты ИТН. Греньер, Баррет и Ладусер [Grenier et al., 2005], на основе обзора исследований, посвященных интолерантности к неопределенности (*uncertainty*) и интолерантности к двусмысленности (*ambiguity*), выделяют черты сходства и различия в конструктах. IU и IA – когнитивные процессы, участвующие в обработке информации об окружающей среде; в обоих случаях человек отвечает на ситуацию набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций, следовательно, люди с высокой IU и IA должны испытывать дискомфорт и тревогу в угрожающих ситуациях и, следовательно, отвергать или избегать подобные ситуации. Что касается различий, IA в большей степени относится к настоящему, к прерыванию здесь-и-сейчас, в то время как IU относится к непредсказуемому компоненту будущего.

Понятие интолерантность к двусмысленности (*intolerance of ambiguity*) впервые было введено Френкель-Брунsvик в 1949 г. Термин «итолерантность к неопределенности» (*intolerance of uncertainty*) появился на его основе позже. Вероятно, первым термин IU употребил Хрон [Khron, 1989]. В дальнейшем термин IU получил свое распространение в модели генерализованного тревожного расстройства [Dugas et al., 1998]. Как указывают Греньер, Баррет и Ладусер, определение IU менялось следующим образом: оно отражало 1) способ, которым индивид воспринимает информацию в двусмысленных (*ambiguous*) ситуациях и отвечает на эту информацию когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями [Freeston et al., 1994]; 2) способ, с помощью которого индивид воспринимает информацию, вытекающую из неопределенных или двусмысленных (*uncertain or ambiguous*) ситуаций и проявляется набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций [Ladouceur et al., 1995], 3) склон-

ность реагировать негативно на неопределенные события, независимо от воспринимаемой вероятности их осуществления и последствий, связанных с этими событиями [Ladouceur et al., 2000]; 4) сильную тенденцию человека считать неприемлемым то, что негативное событие может произойти при, однако, существовании небольшой вероятности того, что оно произойдет [Dugas et al., 2001]; 5) сильную тенденцию считать неопределенные ситуации стрессовыми и расстраивающими, верить, что неожиданные события будут негативными и их следует избегать и думать, что неопределенность будущего – это несправедливо [Dugas et al., 2005].

Биррелл, Мерз, Уилкинсон и Фристон [Birrell et al., 2011], рассматривая эволюцию конструкта IU, указывают, что «интолерантность к неопределенности возникла как ключевой конструкт, связанный с беспокойством, и как центральный компонент для понимания и лечения генерализованного тревожного расстройства, но относительно мало что известно о его точном характере. Исследование определения конструкта показывает, что, несмотря на изменения со временем, нынешнее понимание остается очень широким и не имеет специфики».

Разрабатывая конструкт ИТН в контексте тревожного и депрессивного расстройств, Карлтон [Carleton, 2012] говорит о том, что существует большое количество данных, на основании которых ИТН может быть представлена как конструкт, имеющий две размерности – проспективная ИТН (prospective IU) (т. е. когнитивно-ориентированная размерность, например «Непредвиденные события сильно меня расстроили») и сдерживающая ИТН (inhibitory IU) (т. е. поведенческое измерение, например «Даже небольшие сомнения могут остановить меня от совершения действия» (can stop me from acting)). Проспективная ИТН в большей степени связывается с тревогой и обсессивно-компульсивными симптомами, в то время как сдерживающая ИТН больше относится к социальной тревоге, панике, агорафобии и депрессии [Buhr, Dugas, 2009; Carleton, Sharpe et al., 2007]. ИТН авторы понимают как негативную реакцию на неопределенность (ambiguity) в широком смысле [Freeston et al., 1994] и как тенденцию индивида считать возможность наступления негативного события неприемлемой и угрожающей, вне зависимости от вероятности наступления этого события [Carleton, Sharpe et al., 2007; Dugas et al., 2001] – в более узком смысле. ИТН описывается также как диспозициональная характеристика, являющаяся результатом негативных убеждений о неопределенности и ее последствиях [Dugas, Robichaud, 2007].

Результаты данного исследования дают основание утверждать, что ИТН может быть фактором уязвимости (*vulnerability factor*) для большинства тревожных и депрессивных расстройств.

Кроме этого, существует достаточно большое количество данных, указывающих на наличие связи между ИТН и депрессией [Andersen, Shwartz, 1992; Dugas, 2004; Butzer, Kuiper, 2006; Carleton, Sharpe et al., 2007; Gosselin, 2008; Miranda et al., 2008; Yook et al., 2010; Boelen et al., 2010; McEvoy, Mahoney, 2011; Gentes, Ruscio, 2011; Carleton, 2012].

На основании когнитивных моделей депрессии было создано множество работ, посвященных изучению связи между депрессией и ИТН.

Одной из первых работ, посвященной данной проблеме, стала работа Андерсен и Шварц [Andersen, Schwartz, 1992]. Авторы опираются на когнитивную модель депрессии Бека, в которой указывается, что одним из компонентов депрессивной триады является негативное отношение к своему будущему. Они исходят из того, что беспомощность (*hopelessness*) может выступать как фактор депрессивной предсказательной определенности (*depressive predictive certainty*), когда нежелательные события рассматриваются как события, которые наверняка произойдут (*certain to occur*), а желательные – как события, которые наверняка не произойдут.

Депрессивная определенность является достаточным фактором для возникновения депрессии. Депрессивные индивиды придерживаются своих пессимистичных взглядов с уверенностью (*with certainty*) и, таким образом, могут терять надежду.

Авторы считают, что прогнозы когнитивной уязвимости (*cognitive-vulnerability predictions*) основаны на предположении, что, когда происходят негативные события, имеющие большую значимость для человека, они, скорее всего, приведут к размышлениям («умственной жвачке» (*ruminations*)), как о самих негативных событиях, так и о возможных последствиях [Tait, Silver, 1989; Taylor, Schneider, 1989]. Согласно взглядам Андерсен и Шварц, размышления (*ruminations*) о негативных событиях жизни могут быть разрушительны (*disruptive*) и продуцировать неопределенность (*uncertainty-producing*), аналогично тому, как это происходит при легкой депрессии. Депрессия средней или тяжелой степени тяжести, напротив, связана скорее с определенностью (*certainty*), чем с неопределенностью (*uncertainty*) в предсказании событий будущего. Следовательно, при переходе от легкой к средней или тяжелой степени депрессии, неопределенность эволюционирует в определенность. Предполагает-

ся, что у некоторых людей неопределенность в размышлениях (uncertainty in rumination) может развиваться в определенность депрессии (certainty of depression).

Опыт размышлений и неопределенность особенно разрушительны и вызывают отторжение у людей, которые рассматривают себя и будущие события в однородных, неизменных терминах. Такие люди способны легко игнорировать, исказить или отрицать ежедневные негативные события, поддерживая таким образом однородный взгляд, не приводящий к размышлениям. Но когда происходит достаточно недвусмысленное событие, которое они не могут отрицать, которое, таким образом, захватывает и удерживает их внимание, это событие провоцирует размышления. В этих обстоятельствах, размышления, которых обычно можно избежать, невозможно остановить, и негативные последствия могут рассматриваться как неоспоримо позорные (undeniable blemish). Необходимость поддерживать единственный взгляд сталкивается с негативными событиями, которые сложно отрицать.

Авторы предполагают, что интолерантные к неопределенности люди переживают негативные события особенно тяжело из-за того, что неопределенность, которую вносят размышления в обычно позитивный взгляд, противоречит желанию рассматривать все однозначно. Такие люди стремятся как можно быстрее переструктурировать неопределенность. Они используют негативные события как основу для формулирования своих ожиданий, формируя, таким образом, мрачный, но определенный набор ожиданий. Таким образом, интолерантные к неопределенности люди реагируют на негативное событие путем принятия определенности того, что в будущем произойдут ужасные события, в то время как желаемые события не произойдут.

Данную линию рассуждений продолжают Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008]. Они указывают, что симптомы депрессии, как и тревожных расстройств, связаны с предубеждениями в предвосхищении будущего. Лица с депрессией имеют тенденцию придерживаться пессимистичных взглядов на будущее и считать, что негативное событие обязательно произойдет, а позитивное – не произойдет. Наряду с общими аффективными компонентами, как пишут авторы, депрессия отличается от тревоги снижением позитивного аффекта, что выражается в ангедонии и недостатке энергии. Депрессия отличается от тревоги снижением ожидания позитивного будущего. Симптомы депрессии связаны с большей определенностью в предвосхищении наступления в будущем негативных событий и от-

сутствия позитивных. Согласно модели беспомощности-безнадежности (helplessness-hopelessness model) [Alloy et al., 1990, Miranda et al., 2008], на которую опираются авторы, тревога возникает из первоначального опыта беспомощности в воздействии на исход будущего, в то время как депрессия возникает тогда, когда человек становится уверен в своей беспомощности, и тогда беспомощность становится безнадежностью. Исследование Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008] было направлено на прояснение природы конкретного когнитивного содержания ожиданий будущего при депрессии и генерализованном тревожном расстройстве (ГТР) путем выяснения того, какую роль играет безнадежность и ИТН в отношениях между уверенностью в негативных результатах событий будущего и симптомами депрессии и ГТР. Авторы предположили, что безнадежность обуславливает отношения между уверенностью как в том, что позитивные события не произойдут, так и в том, что негативные произойдут, и симптомами депрессии. Авторы также предположили, что ИТН будет связана с уверенностью в том, что негативные события произойдут, и симптомами ГТР, и эта уверенность будет опосредовать отношения между ИТН и ГТР.

В результате проведенного исследования авторы данной статьи установили, что симптомы депрессии и ГТР были положительно связаны с уверенностью в том, что произойдут негативные события, в то время как уверенность в ожидании недостатка позитивных событий была связана только с депрессией, что и составляет конкретное когнитивное содержание (cognitive content specificity). Уверенность в отсутствии позитивных событий предсказывает симптомы депрессии как в настоящий момент, так и в долгосрочной перспективе, а безнадежность статистически опосредует эти отношения (with hopelessness statistically mediating these relationships). Безнадежность частично опосредует отношения между изменением в уверенности, включающей негативные события, и депрессией. Безнадежность также частично опосредует одновременные (concurrent) отношения между уверенностью в негативных событиях и симптомах ГТР, но не связана с изменениями симптомов ГТР в течение времени. ИТН предсказывает симптомы депрессии и ГТР в настоящий момент и спустя 6 недель, а уверенность в негативных событиях будущего частично опосредует отношения в настоящий момент между ИТН и симптомами депрессии и долгосрочные отношения между ИТН и симптомами депрессии. Когнитивное содержание ожиданий будущего является характерным для депрессии с точки зрения когниций,

относящихся к безнадежности (hopelessness-related cognitions), которые включают антиципацию недостатка позитивных событий. ИТН играет роль как в симптомах депрессии, так и симптомах ГТР. И хотя данные, как пишут авторы, были менее убедительны, все же они делают вывод о том, что уверенность в наступлении негативных событий может играть объяснительную роль в отношениях между ИТН и депрессией.

Юк, Ким, Су и Ли [Yook et al., 2010] также указывают на то, что лица с депрессией имеют тенденцию предсказывать негативные события будущего: они уверены в том, что негативные события обязательно произойдут, в то время как позитивные не произойдут. Ссылаясь на Гарбер, Миллер и Абрамсон [Garber et al., 2000], авторы указывают на феномен депрессивной предсказательной определенности (depressive predictive certainty), о котором уже говорилось выше. Лица с депрессией испытывают трудности с преодолением неопределенности и используют негативные события прошлого в качестве основы для своих предсказаний. Это приводит к уверенности в том, что нежелательные события будущего произойдут [Dupuy, Ladouceur, 2008]. Возможно, что лица с депрессией предпочитают жить в пессимистичной определенности, чем справляться с существующей неопределенностью, а так как многие аспекты современной жизни содержат большое количество неопределенности, говорят авторы, то интолерантные к неопределенности люди могут испытывать значительный дистресс. Люди с высокой ИТН могут полагать, что у них не хватает навыков, чтобы справляться с ситуациями неопределенности, что может быть причиной низкой самооценки. Интолерантные к неопределенности лица будут, вероятно, испытывать негативный аффект и могут быть подвержены депрессии.

Де Йонг-Мейер и др. [de Jong-Meyer et al., 2009] указывают, что ИТН связана как с тревогой, так и с размышлениями («умственной жвачкой», rumination). Возможно, что интолерантные к неопределенности лица используют повторяющиеся мысли, чтобы уменьшить неопределенность, что может усиливать аффект (по: [Yook et al., 2010]).

На основании вышесказанного можно утверждать следующее.

1. Существуют многочисленные эмпирические данные, подтверждающие наличие связи между ИТН и депрессией [Dugas, 2004; Gosselin, 2008; Miranda et al., 2008; Yook et al., 2010; Gentes, Ruscio, 2011; Carleton, 2012; Boelen et al., 2010; Butzer, Kuiper, 2006; Carleton, Sharpe et al., 2007; McEvoy, Mahoney, 2011].

2. Лица с высоким уровнем депрессии склонны негативно оценивать свое будущее, они уверены в том, что негативные события обязательно произойдут, в то время как позитивные не произойдут. Здесь имеет место феномен депрессивной предсказательной определенности (уверенности) (*depressive predictive certainty*). Склонность к однозначной оценке будущего, дихотомизму и абсолютизму, к «черно-белому» мышлению, свойственная лицам с высокой ИТН, может являться фактором, способствующим развитию депрессии. Лица с высокой ИТН, вероятно, будут предпочитать жить в «негативной определенности», чем справляться с неопределенностью.

3. Частые повторяющиеся мысли, «умственная жвачка», имеющая место при депрессии, может выступать, с одной стороны, как способ уменьшить субъективную неопределенность, а с другой – как фактор, усиливающий негативный аффект и приводящий к «депрессивной определенности».

Таким образом, существует большое количество зарубежных исследований, указывающих на существование связи между ИТН и депрессией. Представляется необходимым проверить наличие этой связи на российской выборке.

В исследовании приняли участие 216 студентов Новосибирского государственного университета (45 юношей и 171 девушка) в возрасте от 17 до 27 лет.

Методики. Для определения ИТН использовались методика Баднера (переработанная и валидизированная Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой в 2014 г.), методика МакЛейна (в адаптации Е. Н. Осина), а также Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой. В данном опроснике к толерантности и интолерантности к неопределенности добавляется фактор межличностной интолерантности к неопределенности (далее – МИТН). Под МИТН следует понимать «стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, моноличности, статичности в отношениях с другими» [Корнилова, 2010].

Для диагностики склонности к депрессии была использована шкала Бека, а также шкала депрессии опросника Ахенбаха.

Опросник Ахенбаха для взрослых (*Adult ASR/18-59*) имеет четыре группы шкал: адаптивного функционирования, синдромов, DSM-

ориентированные шкалы, производные шкалы. Используемая нами шкала тревоги / депрессии относится ко второй группе.

Е. Д. Комиссарчук в своей работе указывает, что ею были проверены надежность и валидность методики. «Тест-ретест надежность (воспроизводимость) всех шкал оказалась выше 0,7, внутренняя согласованность также высока (альфа Кронбаха для DSM-ориентированных шкал равна 0,78, а для остальных шкал – 0,83). Внутренняя валидность методики была подтверждена ее высокой различительной способностью, а также соотносимость шкал с диагностическими категориями DSM-IV была подтверждена экспертами» [2016].

Методы анализа данных. Обработка данных проводилась в программе Statistica 6.0.

Для проверки связи между различными показателями методик был использован коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена.

Результаты. Корреляционный анализ выявил значимые отрицательные связи результатов по шкале тревога / депрессия методики Ахенбаха с результатами по шкалам методики МакЛейна: Отношение к сложным задачам, Отношение к неопределенным ситуациям, Предпочтение неопределенности, Толерантность к неопределенности, общий баллом по методике МакЛейна, а также положительную связь с результатами по шкалам ИТН и МИТН Нового опросника толерантности к неопределенности. Результаты по шкале депрессии Бека были положительно связаны с результатами по шкале ИТН опросника Баднера и шкале МИТН опросника НТН и отрицательно с результатами по шкалам Отношение к сложным задачам, Отношение к неопределенным ситуациям, Предпочтение неопределенности и Толерантность к неопределенности, а также с общим баллом по методике МакЛейна (см. таблицу).

Полученные результаты согласуются с данными Юк, Ким, Су и Ли [Yook et al., 2010], которые говорят о наличии положительной связи между ИТН и депрессией. Миранда, Фонтес и Маррокин [Miranda et al., 2008] также указывают, что в результате проведенного ими исследования корреляционный анализ выявил значимые положительные связи между ИТН и определенностью в предсказании негативных событий будущего, а также положительные связи между ИТН и депрессией. Андерсен и Шварц также говорят о том, что взаимодействие между ИТН и размышлениями о негативных жизненных событиях предсказывает депрессивную определенность и депрессию [Andersen, Schwartz, 1992].

Результаты корреляционного анализа.

Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности по методикам Баднера, МакЛейна и Новому опроснику толерантности к неопределенности	Шкала тревога / депрессия по методике Ахенбаха	Шкала депрессии Бека
ОСЗ	-0,21**	-0,15*
ОНС	-0,30**	-0,22**
ПН	-0,26**	-0,17*
ТНм	-0,24**	-0,19**
Общий балл (методика МакЛейна)	-0,28**	-0,21**
ИТНб	–	0,15*
ИТНнтн	-0,13*	–
МИТНнтн	0,34**	0,22**

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. ОСЗ – отношение к сложным задачам по методике МакЛейна, ОНС – отношение к неопределенным ситуациям по методике МакЛейна, ПН – предпочтение неопределенности по методике МакЛейна, ТНм – толерантность к неопределенности по методике МакЛейна, ИТНб – интолерантность к неопределенности по методике Баднера, ИТНнтн – интолерантность к неопределенности по Новому опроснику толерантности к неопределенности, МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности по Новому опроснику толерантности к неопределенности.

Очень часто ситуации неопределенности могут провоцировать внутренние конфликты и оказывать негативное влияние на состояние человека. В частности, такие ситуации могут выступать условием возникновения и развития депрессии.

Человек с высокой ИТН часто игнорирует, искажает или отрицает негативные события, сохраняя однозначный взгляд на ситуацию. Однако когда возникает достаточно недвусмысленное событие, которое сложно отрицать, человек оказывается в затруднительном положении. Его желание поддерживать единственный взгляд на жизнь сталкива-

ется с негативным событием. Невозможность пребывания в ситуации неопределенности вынуждает человека преодолевать эту неопределенность посредством принятия негативного варианта исхода. Он становится уверен в том, что обязательно произойдет негативное событие, и, таким образом, снижает неопределенность, предпочитая неопределенности негативную определенность. Этот феномен получил название «депрессивной определенности» [Andersen, Schwartz, 1992].

Таким образом, в нашем исследовании была подтверждена связь между ИТН и депрессией.

Мы также получили некоторые новые результаты, касающиеся связи МИТН и депрессии. Под МИТН следует понимать «стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими» [Корнилова, 2010]. Лица, склонные к депрессии, обнаруживают тенденцию рассматривать себя, свое настоящее и будущее в негативном ключе [Бек и др., 2003]. Отношение к себе формируется во взаимодействии человека с другими людьми. Можно предположить, что ситуации межличностной неопределенности лица, склонные к депрессии и интолерантные к неопределенности в целом, будут интерпретировать как негативное отношение окружающих к себе. А. Бек указывает на модель реципрокного взаимодействия при депрессии: «впадая в депрессию, человек отдаляется от значимых для него окружающих. Эти “значимые другие”, чувствуя себя отвергнутыми, могут начать критиковать человека, что, в свою очередь, активизирует или обостряет его склонность к самоуничижению» [Там же]. Значит, склонные к «черно-белому» мышлению, интолерантные к неопределенности лица, вероятно, будут любое, даже самое незначительное, проявление неоднозначного отношения к себе интерпретировать как негативное (но однозначное). Это может усиливать негативный аффект и еще больше снижать самооценку человека.

Кроме того, необходимо указать на следующий аспект. Мы получили значимые положительные связи результатов по шкалам депрессии с результатами по шкале МИТН (по НТН) и шкалами ИТН по НТН и по методике Баднера. При этом мы не получили значимых связей со шкалами ТН по тем же методикам. Это дает основание предположить, что толерантность и интолерантность к неопределенности являются независимыми конструктами. С другой стороны, мы получили значимые отрицательные связи результатов по шкалам депрессии со шкалами предпочтения неопределенности методики МакЛейна.

Мы обратились к утверждениям, которые входят в эти шкалы, и обнаружили, что большинство утверждений, входящих в шкалы методики МакЛейна и шкалу МИТН, сформулированы через Я-высказывания (например, «Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где большинство людей мне совершенно незнакомо», «Меня привлекают ситуации, которые можно по-разному истолковать», «Я избегаю ситуаций, которые слишком трудны для моего понимания»). Предложения, которые входят в шкалы методики Баднера и шкалы ТН и ИТН Нового опросника толерантности к неопределенности, сформулированы в форме безличных утверждений или утверждений от третьего лица (например, «Специалист, который не может дать четкий ответ, возможно, не слишком много знает», «Люди, которые настаивают на ответе либо “да”, либо “нет”, просто не знают, насколько все на самом деле сложно», «Чем скорее мы придем к единым ценностям и идеалам, тем лучше»). Вопрос о том, как связана формулировка утверждений и показатели толерантности и интолерантности к неопределенности в методиках толерантности и интолерантности к неопределенности, пока остается открытым.

Список литературы

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1.

Бек А., Раш А., Шо Б., Эме Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Комиссарчук Е. Д. Взаимосвязь родительской позиции матери и психологических особенностей ее ребенка // Диссертация на соискание степени Магистра по направлению 030300 – Психология основная образовательная программа «Психология здоровья». СПб., 2016.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010. Т. 30, № 6. С. 140–152.

Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.

Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна, 1998. URL: <http://fbxlib.ru/book/351587/read/>

Alloy L. B., Kelly K. A., Mineka S., Clements C. M. Comorbidity of anxiety and depressive disorders: A helplessness-hopelessness perspective / Eds. J. D. Maser, C. R. Cloninger // Comorbidity of mood and anxiety dis-

orders. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1990. P. 499–543.

Andersen S. M., Schwartz A. H. Intolerance of ambiguity and depression: a cognitive vulnerability factor linked to hopelessness // *Social Cognition*. 1992. Vol.10 (3). P. 271–298.

Birrell J., Meares K., Wilkinson A., Freeston M. Toward a definition of intolerance of uncertainty: A review of factor analytical studies of the Intolerance of Uncertainty Scale // *Clinical Psychology Review*. 2011. Vol. 31 (7). P. 1198–1208.

Boelen P. A., Vrinssen I., van Tulder F. Intolerance of Uncertainty in Adolescents: Correlations With Worry, Social Anxiety, and Depression // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2010. Vol. 198 (3). P. 194–200.

Buhr K., Dugas M. J. The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation // *Behaviour and Research Therapy*. 2009. Vol. 47 (3). P. 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 41 (1). P. 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K., Thibodeau M. A., McCabe R. E., Antony M. M., Asmundson G. J. G. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorder*. 2012. Vol. 26 (3). P. 468–479.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. J. G. Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears? // *Behaviour Research and Therapy*. 2007. Vol. 45. P. 2307–2316.

de Jong-Meyer R., Beck B., Riede K. Relationships between rumination, worry, intolerance of uncertainty and metacognitive beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 46 (4). P. 547–551.

Dugas M. J., Robichaud M. Cognitive-behavioral treatment for generalized anxiety disorder: From science to practice. New York: Taylor & Francis Group, 2007.

Dugas M. J. Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression // *Cognitive Therapy and Research*. 2004. Vol. 28 (6). P. 835–842.

Dugas M. J., Gagnon F., Ladouceur R., Freeston M. H. Generalized anxiety disorder: a preliminary test a conceptual model // *Behaviour Research and Therapy*. 1998. Vol. 36 (2). P. 215–226.

Dugas M. J., Gosselin P., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Worry: Investigating Specificity in a Nonclinical Sample // *Cognitive Therapy and Research*. 2001. Vol. 25 (5). P. 551–558.

Dugas M. J., Hedayati M., Karavidas A., Buhr K., Francis K., Phillips N. A. Intolerance of Uncertainty and Information Processing: Evidence of Biased Recall and Interpretations // *Cognitive Therapy and Research*. 2005. Vol. 29 (1). P. 57–70.

Dupuy J., Ladouceur R. Cognitive processes of generalized anxiety disorder in comorbid generalized anxiety disorder and major depressive disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22 (3), P. 505–514.

Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. Why do people worry? // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 17 (6). P. 791–802.

Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. Vol. 18. P. 108–143.

Garber J., Miller S. M., Abramson L. Y. On the distinction between anxiety and depression: perceived control, certainty, and probability of goal attainment / Eds. J. Garber, M. Seligman // *Human helplessness: theory and application*. San Francisco: Academic Press, 2000. P. 199–211.

Gentes E. L., Ruscio A. M. A meta-analysis of the relation of intolerance of uncertainty to symptoms of generalized anxiety disorder, major depressive disorder, and obsessive–compulsive disorder // *Clinical Psychology Review*. 2011. Vol. 31 (6). P. 923–933.

Gosselin P. Evaluation of intolerance of uncertainty: Development and validation of a new self-report measure // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22. P. 1427–1439.

Grenier S., Barrette A. M., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39 (3). P. 593–600.

Khrono H. W. The concept of coping modes: Relating cognitive person variables to actual coping behavior // *Advances in Behaviour Research and Therapy*, 1989. Vol. 11 (4). P. 235–248.

Ladouceur R., Gosselin P., Dugas M. J. Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38. P. 933–941.

Ladouceur R., Rheume J., Freeston M. H., Aublet F., Jean K., Lachance S., Langlois F., Pokomandy-Morin K. Experimental manipulations of responsibility: an analogue test for models of Obsessive-Compulsive Disorder // *Behaviour Research and Therapy*. 1995. Vol. 33. P. 937–946.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety

and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. Vol. 25 (1). P. 112–122.

Miranda R., Fontes M., Marroquin B. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46 (10). P. 1151–1159.

Rehm L. P. A Self-Control Model of Depression // *Behavior Therapy* Vol. 8 (5). P. 787–804.

Tait R., Silver R. C. Coming to term with major negative life events / Eds. J. S. Uleman, J. A. Bargh // *Unintended thought*. New York: The Guilford Press, 1989. P. 351–382.

Taylor S. E., Schneider S. K. Coping and the simulation of events // *Social Cognition*. 1989. Vol. 7 (2). P. 174–194.

Teasdale J. D. Cognitive Vulnerability to Persistent Depression // *Cognition and Emotion*. 1988. Vol. 2 (3). P. 247–274.

Yook K., Kim K. H., Suh S. Y., Lee K. S. Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2010. Vol. 24. P. 623–628.

Материал поступил в редколлегию 15.09.2017

M. V. Zlobina, O. N. Pervushina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru; olgap7@yandex.ru

INTOLERANCE FOR AMBIGUITY AND DEPRESSION

This study examines constructs of Intolerance of Uncertainty, its history and evolution. We reviewed studies focused on IU and anxiety and depression disorders. There is a wide range of evidence that shows relationship between IU and depression. However, we could not find such studies on Russian sample. Hence, the aim of the present study was to confirm relationship between IU and depression on a sample of Russian students. Results revealed that IU score was significantly positively associated with depression score. It was also found that depression score was significantly positively associated with Interpersonal intolerance of uncertainty score. This aspect of IU was not examined before.

Keywords: intolerance uncertainty, tolerance uncertainty, depression.